

Никулин Роман Львович

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ НАД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ В ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ: ФОРМЫ, ИНСТРУМЕНТЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье раскрывается направленность и содержание политического контроля над коммунистическим союзом молодёжи в начальный период сплошной коллективизации в СССР, анализируются факторы его актуализации. В качестве основных инструментов политического контроля над комсомолом рассматриваются система политического просвещения, чистки, партийное руководство, практика доносительства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2009/2/17.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (3). С. 60-63. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2009/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

7. *Мазохин О. Б.* Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918-1953). М., 2006.
8. *Московская общеуголовная преступность в период военного коммунизма* // Преступник и преступность. М., 1928.
9. *Остроумов С. С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1960.
10. *Российский государственный архив социально-политической истории* (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84.
11. *Сводный отчет о деятельности губернских, областных, краевых судов и подведомственных им судеб-но-следственных учреждений за 1924 год.* М., 1925.
12. *Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР).* 1922.
13. *СУ РСФСР.* 1921.
14. *Там же.* 1922.
15. *Уголовный кодекс РСФСР (УК РСФСР).* 1922.
16. *УК РСФСР.* 1922. (в ред. 1923 г.).
17. *Там же.* 1926.
18. *Феликс Эдмундович Дзержинский: биография.* 2-е изд., доп. М., 1983.
19. *Центр документации новейшей истории Тамбовской области* (ЦДНИТО). Ф. 840. Оп. 1. 2654.

CRIMINALITY AS A SOCIAL-LEGAL PHENOMENON IN THE 1920s: TENDENCIES AND CONDITION

Nikulin V. V.

*History and Philosophy Department
Tambov State Technical University
viktor.nikulin@mail.ru*

Abstract. The criminality of the period of NEP as a social-legal phenomenon is analysed. The tendencies of its development, quantitative and qualitative characteristics are revealed. It is shown that in the first half of the 1920s violent actions such as criminal gangsterism and crimes against a person prevailed and from the middle of the 1920s the leading position was occupied by malfeasances and property crimes.

Key words and phrases: criminality; crime dynamics; tendencies; corruption; gangsterism; malfeasances; economic criminality; criminogenic situation; criminal code; punishment; criminal-legal conception.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ НАД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ В ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ: ФОРМЫ, ИНСТРУМЕНТЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Никулин Р. Л.

*Кафедра истории и философии
ГОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет»
rn344@mail.ru*

Статья рекомендована к публикации д.и.н., проф. Слезиным А. А. и к.и.н., доц. Блудовым А. М.

Аннотация. В статье раскрывается направленность и содержание политического контроля над коммунистическим союзом молодежи в начальный период сплошной коллективизации в СССР, анализируются факторы его актуализации. В качестве основных инструментов политического контроля над комсомолом рассматриваются система политического просвещения, чистки, партийное руководство, практика доношитель-ства.

Ключевые слова и фразы: комсомол; политический контроль; коллективизация; «правый уклон»; клас-совая борьба; политическое просвещение.

Политический контроль всегда выступал неотъемлемым атрибутом системы партийного руководства комсомолом. Однако в отдельные периоды истории союза молодежи он приобретал совершенно гипертро-фированные черты, что проистекало из характера политической ситуации в стране. Комсомол активно во-влекался партийными структурами в проведение массовой коллективизации сельского хозяйства. Данное обстоятельство в глазах высшего руководства страны особенно актуализировало задачи осуществления по-литического контроля в среде коммунистической молодежи.

Одной из превентивных, на наш взгляд, форм политического контроля в ВЛКСМ было политическое просвещение комсомольцев, осуществляемое как союзными, так и партийными структурами. В его содер-

жании в период сплошной коллективизации сельского хозяйства приоритет отдавался усвоению комсомольцами генеральной линии партии, что, по единодушному мнению союзной элиты, обеспечивало успешную борьбу с «правым» и «левым» уклонами. Соответствующая теоретическая подготовка молодежи расценивалась как одно из главных условий неукоснительного следования политической практики комсомола стратегическим целям власти, облакаемым в формулировку «генеральная линия партии» [3, д. 144, л. 32, 33].

Примечательно, что ещё в начале 1929 года некоторые руководящие комсомольские работники были склонны видеть в выступлениях представителей коммунистической молодёжи против хлебозаготовок, коллективизации, официально относившихся к конкретным проявлениям «правой опасности», лишь следствие их политической неграмотности [Там же, д. 68, л. 27; д. 159, л. 8].

На II Козловской окружной конференции ВЛКСМ, состоявшейся в январе 1930 года, взглядам активистов, считавших, что «правый уклон» в практике деятельности комсомола есть результат лишь политической неграмотности молодежи, а вовсе не сомнительных идейных установок, была придана политическая окраска. Подобная точка зрения стала квалифицироваться как «непонимание исходных корней правого уклона и примиренческое отношение к нему» [Там же, д. 146, л. 97].

Если политическое просвещение понималось как оружие классовой борьбы, то «вооруженность» юношей и девушек политическими знаниями о генеральной линии партии, содержании различного рода уклонов от нее являлась гарантией, залогом их активного включения в социалистическое строительство. Напротив, политической неграмотности старались придать идеологический оттенок, квалифицировав ее как сознательное игнорирование огромной важности теоретического обучения.

Отныне уже нетерпимо стали относиться к желанию рядовых комсомольцев и союзного актива дистанцироваться от ведения систематического политического просвещения. Как пример идеологической неблагодарности преподносились заявления некоторых секретарей сельских ячеек ВЛКСМ следующего содержания: «Правый уклон в городе, а в деревне его нет. Нам некогда заниматься разбором уклонов, этим могут заниматься работники окружкома и обкома» [4, д. 67, л. 81]. Подобным высказываниям была найдена и соответствующая идеологическая формула – «делачество», которое относилось к разновидностям «правого уклона». Стремление сосредоточиться на конкретной работе в ущерб проведению политического обучения истолковывалось как «смазывание исторических задач пролетариата», «работа без идейной целеустремленности», «забвение революционных перспектив» и т.д. » [2, с. 413-414].

Если более пристально взглянуть на содержательную сторону политического просвещения в комсомоле в период «великого перелома», то нельзя не признать того очевидного факта, что оно все более вырождалось в идеологическое воспитание. Естественное, без знаний о содержании разного рода уклонов от генеральной линии партии достаточно проблематично было реализовывать последнюю в моделях собственного политического поведения. Но все дело было в том, что члены ВЛКСМ в сети политпросвещения не получали адекватных знаний о сути внутривнутрипартийных дискуссий, основных положений теоретических концепций и практических подходов к решению внутривнутриполитических вопросов сталинских оппонентов. Получаемые знания должны были нацеливать не на свободную, эффективную политическую ориентацию, а, прежде всего, на усвоение потенциальной опасности взглядов оппозиционеров, оформляемых как уклоны от генеральной линии партии, для дела социалистического строительства. Сущность и содержание уклонов преподносились комсомольцам исключительно в сталинской интерпретации.

Как вопиющий политический «прорыв», проявление «правой опасности» в комсомоле были расценены действия Галицынской ячейки Козловской окружной организации, не удовлетворившейся единичным докладом о «правом» и «левом» уклонах в партии и решившей более обстоятельно на следующем собрании «проработать программу о левом и правом уклоне, путем самокритики изжить эти уклоны комсомольцев и вынести на массу данную программу» [3, д. 68, л. 27]. Особый гнев чиновников Козловского окружкома ВЛКСМ вызвало намерение не проработать речь Сталина, а именно, обсудить программные положения тех большевистских лидеров, которых глава партийного аппарата обращал в «уклонистов», и тем более вынести их на массы. Опасность заключалась в возможной, вне сталинской интерпретации, их привлекательности для коммунистической молодежи.

К концу 1920-х годов завершилось складывание основ политической системы советского общества, одним из существенных элементов которой стало идейно-политическое и организационное подчинение комсомола диктату ВКП(б). Последнее являлось одной из эффективных форм политического контроля над коммунистической молодежью. Исходя из статуса ВЛКСМ как партийной организации, руководство страны любые попытки комсомольцев выйти из под мелочной опеки со стороны структур ВКП(б) квалифицировало как «ревизию ленинизма» [Там же, д. 74, л. 192]. Именно в период развертывания сплошной коллективизации стало очевидно – система организационного руководства комсомолом на местах под воздействием расширения масштабов политико-идеологического контроля приобретала уродливые формы, близкие к полному лишению ВЛКСМ какой-либо самостоятельности.

Общераспространенным явлением в ЦО стало прямое «помыкание» комсомольскими работниками со стороны комитетов ВКП(б). Ответственные секретари последних учитывая тот факт, что ВЛКСМ в регионе является наиболее массовой коммунистической организацией, стремились переложить наиболее тяжелую практическую работу по проведению хлебозаготовок, коллективизации крестьянских хозяйств на комсомольских функционеров. Как отмечалось в документах обкома ВЛКСМ, последние использовались очень часто как простые технические работники [Там же, д. 65, л. 42].

Более того, райкомы ВКП(б) присваивали себе полномочия даже снимать с работы секретарей райкомов комсомола без всякого предварительного согласования с окружными структурами ВЛКСМ [Там же, д. 146, л. 29]. Попытки окружных комитетов комсомола апеллировать в окружные комитеты партии на недопустимость такого порядка вещей, как правило, успеха не имели. В феврале 1929 года бюро Козловского окружного комитета ВЛКСМ специально рассматривало вопрос о взаимоотношении партийных и комсомольских структур в Дрязгинском районе. Поводом послужило обращение окружного комитета партии о возможности снятия с работы секретаря Дрязгинского райкома ВЛКСМ Мальдзиневича в силу того, что он пришелся не по нраву райкому партии. Была признана правильность политической линии комсомольского работника и одновременно указано на «неправильность» партийного руководства. Но, несмотря на заявленную принципиальную позицию, бюро окружного комитета ВЛКСМ вскоре все же было вынуждено согласиться со снятием Мальдзиневича [Там же, д. 68, л. 11].

Конфликты, возникающие на почве стремления местной комсомольской элиты бороться с произволом руководства структур ВКП(б), преподносились последним обычно как раскольническая, антипартийная деятельность союзного актива [4, д. 68, л. 23].

Наиболее последовательно политический контроль реализовывался в ходе периодически проводимых союзом чисток. Решение об осуществлении чистки было принято пленумом ЦК ВЛКСМ в марте 1929 года. Данная форма политического контроля была заимствована союзом из арсенала коммунистической партии. Сам термин «чистка» уже изначально указывал на репрессивный оттенок исследуемой формы политического контроля.

Основные цели чистки рассматривались руководством союза в контексте участия коммунистической молодежи в классовой борьбе. Она была направлена на то, чтобы проверить классовую стойкость каждого комсомольца и в этой связи – готовность союза как политической организации к неустанной борьбе с врагами советской власти, которая сопровождала строительство социализма в стране. Глава комсомола А. В. Косарев так разъяснял суть этого мероприятия: «Политически оформить все звенья союза, насытить его четким классовым содержанием; еще больше обточить оружие большевистской непримиримости к врагу – вот цель всей той системы мероприятий, которая связана с чисткой». Из чистки комсомол, по убеждению Косарева, должен был выйти еще более подготовленным к предстоящим классовым битвам [1, с. 5-7]. Вероятно, подразумевалась, в том числе, и готовность ВЛКСМ безусловно поддерживать радикальную парадигму сталинского «великого перелома».

Механизм чисток включал в себя предварительную подготовку материалов на «чистившихся», рассмотрение их комиссиями по чистке, а затем, и собственно таковую, которая проходила в форме своеобразной экзаменовки комсомольцев на предмет идейно-политической подготовленности и обсуждения их кандидатур на открытых собраниях ячеек. По окончании данных процедур комиссия решала вопрос о «вычищении» или прохождении чистки [3, д. 158, л. 115-116].

Одной из важнейших задач чистки являлась проверка последовательности реализации комсомольцами классовой линии. Причем ей подвергались непролетарские элементы союза. А. В. Косарев обосновывал это тем, что «...мы вступили в полосу больших трудностей и противоречий, когда непролетарские слои союза могут сдрейфить». В силу этого: «Мы вправе спросить любого интеллигента и служащего... - какова его политическая грамотность, ...как у него обстоят дела с ленинской теорией и с помощью социалистическому строительству?» [1, с. 8]. В зависимости от ответов на данные вопросы, должна была решаться возможность дальнейшего пребывания в рядах комсомола.

Тщательный анализ процедуры этой формы политического контроля на примере чистки школьных ячеек Козловского округа убедил нас в том, что проверке, в первую очередь, подвергалась не столько политическая грамотность и общественно-политическая активность молодежи, сколько ее идеологическая выдержанность, как в плане теоретической подготовки, так и образа повседневной деятельности. Скрупулезное изучение всего перечня вопросов, задаваемых комсомольцам, позволило нам выделить наиболее типичные из них: «Почему в этом году, а не раньше ликвидировали кулака? Не лучше ли было проводить коллективизацию без ликвидации кулачества как класса? Что сделать с семьей кулака? Каковы решения Ноябрьского Пленума ЦК? Что говорят правые о хлебозаготовках? В чем сущность правого уклона? Какая разница между правым уклоном и левым загибом?»

Непосредственно осуществлять политический контроль в комсомоле должны были так называемые конфликтные комиссии. Одной из их главных задач был разбор конфликтных дел, возникающих в практике внутрисоюзной жизнедеятельности, апелляции комсомольцев. Однако руководство союза старалось привлечь конфликтные комиссии к проведению политического контроля. Как показывают документы, в их задачу входило отслеживание тенденций массового сознания молодежи, немедленное информирование о случаях проявления деятельности членов ВЛКСМ каких-либо уклонов от линии партии, создание вокруг подобных примеров общественного резонанса [3, д. 108, л. 133, 166]. То есть, способствуя публичности, открытости политического контроля, конфликтные комиссии должны были осуществлять эффективную «профилактику оппортунизма» разного толка в рядах союза.

Постановка информационной составляющей политического контроля стало предметом особых забот комсомольского руководства. Зимой 1930 г. руководство Тамбовского окружкома комсомола даже специально разрабатывало данную проблему. 7 января этого же года бюро комитета ВЛКСМ постановило «в ближайшее время выделить круг добровольных информаторов, от крупных ячеек и кончая окружкомом, для

этого развитых товарищей, имеющих общеобразовательную подготовку и добровольно изъявивших на это согласие, освободив их от КСМ нагрузок» [4, д. 96, л. 9]. В задачи информаторов должно было входить: скорейшее вычленение политических событий, реагирование на них, извещение соответствующих комитетов, изучение настроений комсомольской массы, а также положительных и отрицательных фактов, имевших место проведения хозяйственно-политических кампаний [Там же, д. 96, л. 9]. Таким образом, полагалось создать целую осведомительную сеть, действующую вполне открыто.

На первый план в практике деятельности союза молодежи выдвигалась классовая чуткость. В самый разгар кампании по бичеванию «правых оппортунистов», осенью 1929 года, руководство комсомольских организаций настойчиво рекомендовало развивать бдительность по отношению не только к классовому врагу, но и к комсомольцам с целью очищения ее рядов от идеологически чуждых элементов [3, д. 69, л. 1]. Своевременное реагирование на мнимые или действительные случаи выступлений против мероприятий руководства страны, чаще всего в форме элементарного политического доносительства, приветствовалось и поощрялось властью, возводилось ею в ранг гражданского мужества. Органы союзного руководства наводнили десятки и сотни доносов на «правых уклонистов», «примиренцев», «социально чуждых».

Возведя доносительство в ранг гражданского подвига и создав даже его культ, партийное и комсомольское руководство не заметило или не пожелало заметить, насколько зыбка оказалась грань между политическим доносом и самой обычной клеветой. Санкционировав осведомительство, оно вводило в опасный соблазн – воспользовавшись подтасовкой фактов, обвинить в идеологической неблагонадежности исключительно для сведения личных счетов.

Внимательно изучая документы Тамбовского и Козловского окружных комитетов комсомола, в особенности их конфликтных комиссий, касающиеся исключений из ВЛКСМ, апелляции исключенных, отслеживая обстоятельства привлечения к союзной ответственности отдельных комсомольцев, сопоставляя их между собой, мы пришли к неожиданному выводу. Истинная причина исключения достаточно значительного числа членов союза из тех, чьи персональные дела отложились в документации комсомольских органов, заключалась отнюдь не в «чуждости» социального происхождения, связях с «чуждыми», «примиренчестве» или проявлении «правого уклона» на практике, а, напротив, объяснялась гораздо более прозаически – они выдворялись из организации вследствие сведения личных счетов с ними их же сверстниками-комсомольцами.

Основанием для обвинения могли послужить какие-либо неосторожные действия комсомольцев, носившие в их глазах совершенно безобидный характер, однако истолкованные их «бдительными» товарищами так, что они приобретали сомнительный с идеологической точки зрения характер или род занятий, социальный статус, деятельность их родителей или иных родственников до 1917 года, непосредственно в период революции и гражданской войны.

Задействованные формы и инструменты политического контроля в основном были направлены на осуществление его в максимально открытой, публичной форме. Тем самым надеялись создать огромный пропагандистский эффект, привлечь к его осуществлению самые широкие массы комсомольцев. Одновременно их содержательная сторона была проникнута стремлением актуализировать для молодежи вопросы борьбы с классовым врагом как в рядах союза, так и вне его, приобщить их к решительному преодолению какого-либо инакомыслия, идущего вразрез с официальными идеологическими постулатами, создать слепую веру, а не убеждение, в правоту таковых.

Список литературы

1. Косарев А. В. Проверим свои ряды. М., 1929.
2. Товарищ комсомол: документы съездов, конференций комсомола и ЦК ВЛКСМ. М., 1969. Т. 1.
3. Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО). Ф. 379. Оп. 1.
4. ЦДНИТО. Ф. 1214. Оп. 1.

POLITICAL CONTROL OVER COMMUNISTIC YOUTH DURING COLLECTIVIZATION: FORMS, TOOLS, CONSEQUENCES

Nikulin R. L.

*History and Philosophy Department
Tambov State Technical University
rn344@mail.ru*

Abstract. The orientation and the contents of political control over the communistic union of youth during the initial stage of continuous collectivization in the USSR are depicted in the article. The factors of its actualization are analyzed. As the basic tools of political control over Komsomol the system of political education, purges, party management and the practice of informing are considered.

Key words and phrases: Komsomol; political control; collectivization; «right bias»; class struggle; political education.